
КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В МИФАХ НАРОДОВ МИРА

Т.Е. Владимирова

Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

С.В. Яковлева

Российский университет дружбы народов

Настоящая статья посвящена рассмотрению космогонического аспекта мифопоэтической картины мира. Особое внимание уделяется галактике Млечный Путь. Предпринятый анализ позволил проследить развитие космологических представлений о возникновении вселенной и человека, а на этой основе – выявить общее и специфическое в мифопоэтической картине народов мира.

Ключевые слова: миф, космогония, мифопоэтическая картина мира, эволюция сознания.

1. Космогония в мифопоэтической картине мира

С древнейших времен людей интересовало происхождение Вселенной и самого человека. Возникавшие космогонические и антропогонические представления становились источником «понятийных мифов» (О.М. Фрейденберг), ритуалов и обычаев, а на их основе в течение многих тысячелетий складывалась мифопоэтическая картина мира как первая попытка его осмысления архаичным сознанием. Позднее, опираясь на мифы, предания и легенды, были созданы эпические сочинения и философские трактаты, нередко представляющие собой обобщение устной народной традиции. Особый исследовательский интерес вызывают космогонические мифы, позволяющие выявить особенности начальной концептуализации пространства-времени. Примечательно, что мифы нередко становились тем импульсом, который приводил к более глубокому познанию Вселенной.

Обратимся к рассмотрению древнекитайских и греческих мифов, ставших фундаментом для восточной и западной космогонических моделей возникновения вселенной и человека.

Космогония Древнего Китая. Благодаря сочинению Сюй Чжэна (III век н. э.) и мифологической эпопее Чжоу Ю (XVI век) до нас дошли предания о том времени, когда во Вселенной царил хаос, а небо и земля еще не отделились друг от друга и были подобны содержимому огромного куриного яйца. Согласно даосским представлениям, ночью в 16-й день 10-го месяца в нем родился Паньгу, и Звезда человечества (созвездие Пегаса), сим-

волизирующая союз Неба и Земли, а также равновесие темного и светлого, возвестила о его рождении. Заснув, Паньгу спал, тяжело дыша, восемнадцать тысяч лет. Когда же он проснулся, то, не найдя выхода из этого яйца, расколол его. Сразу же всё легкое и чистое поднялось наверх и образовалось небо (*ян*), а тяжелое и грязное стало землей (*инь*). Девять раз в день небо поднималось всё выше, а земля становилась всё толще. Наконец находившийся между ними Паньгу вытянулся во весь рост и отделил небо от земли, чтобы они опять не превратились в хаос. После смерти Паньгу его вздох превратился в ветер, глаза – в Солнце и Луну, волосы и усы – в звезды на небосклоне, туловище с руками и ногами – в четыре стороны света и т. д. А паразиты на его теле превратились в людей, и ветер развеял их повсюду [1. С. 34–35]. Известна также легенда, согласно которой Паньгу поделил время суток между Солнцем и Луной, чтобы люди не оставались ночью в темноте. Поэтому он традиционно почитается как культурный герой и мироустроитель и изображается сидящим на огромной черепахе с Солнцем на правой ладони и с Луной на левой.

Если Паньгу, первопредок народов *мяо* и *яо*, является персонификацией единства макро- и микрокосма, то в более древнем мифе (II век до н. э.) появление «всех вещей в мире» и людей связано с женским божеством Нюйва. Эта прародительница племен *ся* с телом змеи или дракона вылепила из желтой глины людей обоих полов, и они становились знатными и богатыми. А из падающих на землю глиняных комочков, которых не касались ее руки, произошли бедные и низкородные. Нюйва учредила для всех людей бракосочетание и «возложила на них обязанности по воспитанию детей». Таким образом, космогоническая и антропогоническая модели Древнего Китая задавали своего рода алгоритм естественного развития Вселенной (Паньгу) и человека (Нюйва), усовершенствованный затем самими первопредками.

В этом отношении обращает на себя внимание следующий отрывок из комментария XII века к «Книге перемен» (И-Цзин), в котором подчеркивается онтологическая заданность самого хода эволюционного развития мира и человека:

*Появились Небо и Земля, а затем появилась тьма вещей.
Появилась тьма вещей, а затем появились мужчины и женщины.
Появились мужчины и женщины, а затем появились мужья и жены.
Появились мужья и жены, а затем появились отцы и дети.
Появились отцы и дети, а затем появились правители и слуги.
Появились правители и слуги, а затем появились высшие и низшие.
Появились высшие и низшие, а затем появилось то, что сплетает
правила поведения и долг [2. С. 391].*

Китайская мифологема размеренности и предопределенности мироздания и бытия человека получила лаконичное оформление в философии. Здесь мы имеем в виду, во-первых, известное положение Лао-Цзы (579–499 до н.э.) из книги «Дао дэ Цзин»: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все существа» [3. С. 128]. А во-вторых, раскрытие приро-

ды *инь* и *ян* в сочинении Чжоу-цзы (1017–1073 гг. н. э.) «Объяснение чертежа Великого предела»: «Беспредельное, а затем – Великий предел! Великий предел приходит в движение, и порождает *ян*. Движение доходит до предела, и наступает покой. В покое рождается *инь*. Покой доходит до предела, и снова наступает движение. Так, то движение, то покой являются корнем друг друга. Разделяются *инь* и *ян* – поэтому устанавливаются два образа. *Ян* превращает, *инь* соединяет – происходит рождение воды, огня, дерева, металла, почвы. Пять распространяются в должном порядке – четыре времени совершают свой ход. Но пять стихий – это только *инь* и *ян*, *инь* и *ян* – это только великий предел, а Великий предел коренится в Беспредельном! Когда пять стихий рождаются, каждая наделяется своей природой» [4. С. 14].

В этом контексте обратим внимание и на введенное в «И-Цзин» (VIII–VII вв. до н. э.) понятие «срединного состояния» (*чжун*) между двумя противоположностями *инь* и *ян*. Согласно теории «И Цзин», весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций в процессе взаимодействия сил света и тьмы, напряжения и податливости. Так, в древнекитайском сознании закреплялось гармоничное восприятие мира как единого живого организма, наделенного способностью к саморегуляции. В итоге триединая сущность «Великого Единого» была выражена триадами <*инь – чжун – ян*>, <*природа – первопредок – род*> и <*природа – первопредок – человек*>, вытесненная позднее триадой <*земля – человек – небо*>, которая стала одним из важнейших архетипов целостного миропонимания на Востоке (см. об этом в [5. С. 156–161]). Известно и представление древних китайцев о связи музыки и космоса, в соответствии с которым планеты, времена года и система элементов находятся в гармоничном взаимодействии. Возвращаясь к мифу о Паньгу, отметим, что Лао-цзы полагал *дао* («небесный путь», «пути природы») возникшим до рождения неба и земли и поэтому являющимся матерью Поднебесной. В итоге понимание *дао* как начала, контролирующего естественный ход событий, легло в основу китайской четверицы <человек – земля – небо – дао – естественность>.

Перейдем к рассмотрению античной космогонии, утвердившей антропоцентрическую концепцию мира.

Греческая космогония также строится на поэтапной схеме развития мира из яйца, которое возникло из Эреба, сына Хаоса, и Ночи. В этом «мировом яйце» появился Эрос как самовозникшее творческое начало, а от него произошли земля, небо, море, боги и люди. В «Теогонии» Гесиода (конец VIII – начало VII в. до н. э.) утверждается, что «Прежде всего во вселенной Хаос зародился», став, наряду с Эросом, Геей и Тартаром, первопотенциями, породившими различные существа. От Хаоса произошли Ночь и Эреб, а они, в свою очередь, породили Эфир и Гелиру-день, от Гей – Небо (Уран), Нимфы, Понт (Море), титаны, киклопы и др. В итоге Небо стало «жилищем богов всеблаженных» во главе с Зевсом, а Земля – «всеобщим приютом безопасным» для человека. Так, выделив первопотенции и первое потомство Хаоса, Земли и Неба, Гесиод построил космогонию как представление о ми-

роздании, понимаемом как упорядоченное целое, в котором «верховный бог» Зевс выступает как персонификация космических и природных сил, подчиняющих себе смертных [6].

Характерной особенностью греческой мифопоэтической картины мира, сформировавшейся в гомеровский период, стало антропоморфическое представление о природно-космическом универсуме, которое пришло на смену хтоническому мировосприятию. Так солнце-бык постепенно утратило свой зооморфный образ и стало отождествляться с Аполлоном, богом солнечного света, и с Гелиосом, богом Солнца. Широкую известность получил миф о Гелиосе, который на солнечной колеснице, запряженной четырьмя огненными конями, ежедневно поднимается над Океаном, объезжает небо, а потом к ночи возвращается обратно в золотой чаше. О преодолении архаичного миропонимания свидетельствует также рассказанный Гомером эпизод об убийстве солнечных быков Гелиоса спутниками Одиссея [7. С. 125]. Что же касается звездного неба, то все небесные тела отождествлялись с богами, героями или мифическими персонажами, поэтому им поклонялись и приносили жертвы. Позднее некоторые из них получили латинское название: Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Меркурий, Орион, Плеяды и др.

Понимание Гесиодом Хаоса как олицетворения бесконечного и пустого мирового пространства получило развитие у Платона (427–347 до н. э.), который полагал Хаос материей, то есть «всеобъемлющей природой», и у Аристофана (445–386 до н. э.), считавшего мировое яйцо порождением Ночи. Таким образом, мир предстает у греков как развивающееся физическое пространство и / или как живой творческий процесс. Но в обоих вариантах миротворения было несколько этапов его эволюции. Что же касается центра Вселенной, то пифагорейцы полагали центром незатухающий огонь, порождающий небесные светила, а вокруг него по кругу движутся Солнце, Луна, Земля и 5 планет: Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Меркурий. Далее расположена сфера из неподвижных звезд. Чем ближе небесное тело к центру, тем быстрее его вращение. Так, Земля делает полный круг за 24 часа (объяснение смены ночи и дня), а Луна за 30 дней (поэтому лунный день в 15 раз длиннее земного) и т. д. Луна считалась не спутником Земли, а отдельной планетой и была обитаема. А стекловидное Солнце отражало свет «центрального огня», который полагался главной причиной порядка во Вселенной.

Примечательно, что в учении о числах, мире и душе Филолая (V век до н. э.), который был учеником Пифагора, первоначально Вселенной составляют безграничные и ограничивающие элементы. В этой связи отметим, что Филолай опирался на бинарные оппозиции, активизирующие в сознании противоборство: 1) ограниченное и неограниченное; 2) нечетное и четное; 3) единое и многое; 4) правое и левое; 5) покоящееся и движущееся; 6) прямое и кривое; 7) свет и тьма; 8) доброе и злое; 9) квадрат и прямоугольник. При этом Единица, логически-причинная субстанция всех чисел и отношений между ними («начало всего»), полагалась и источником гармо-

низирующего влияния на мир. Так, по мнению Филолая, беспредельный Хаос упорядочивался и превращался в разумный Космос. В итоге у пифагорейцев Филолая и Демокрита к IV веку до н.э. сложилась космологическая модель движения планет, основанная на представлении о гармонии сфер. Допуская мысль о вращении Земли, пифагорейская модель объясняла движение небесных тел предустановленной гармонией, которая получит развитие в идее гелиоцентризма Аристарха (около 280 года до н. э.) и в теории геоцентризма Птолемея (около 150 года до н. э.). Таким образом, гармония понималась греками как фундаментальное свойство природно-космического мира.

Завершая краткое рассмотрение космогоний Древнего Китая и Греции, отметим присутствие в них образа мирового яйца, характерного для многих мифопоэтических картин мира, поэтапность миротворения и понимание гармонии как регулирующего начала мира и бытия. Вместе с тем в основаниях этих космологий заложены существенные различия: китайская мифология строится на космизации, сакрализации и строгой соподчиненности мира и бытия людей, а греческая – на антропоцентризме, наделяющем богов чертами простых смертных. В поисках объяснений этнокультурной специфики отмеченных тенденций обратимся к галактике Млечный Путь и рассмотрим мифы, предания и легенды, зафиксировавшие космогонические представления об этом небесном феномене.

2. Галактика «Млечный Путь» в китайских и греческих мифах

Китайские мифы о Млечном Пути (*Тхянь-хэ* ‘небесная река’). Наблюдая за данной галактикой, древние китайцы заметили, что зимой во время сухого сезона она представляла собой более тонкую и разреженную ветвь Небесной Реки, проходящей через созвездие Ориона. В период же обильных летних дождей на небе была видна более яркая и непостоянная ветвь Небесной Реки. А по обоим ее берегам сверкали две большие звезды – Альтаир (созвездие Орла) и Вега (созвездие Лиры). Так из переменчивой картины звездного неба возник миф о Ткачихе, персонификации Веги, и Волопасе, отождествляемом с Альтаиром. Одной из наиболее ранних фиксаций этого мифа является следующий фрагмент из «Мелких заметок» Инь Юня (473–531): *К востоку от Млечного пути была Ткачиха, дочь небесного бога. Круглый год она трудилась, ткала из облаков небесное платье. Богу стало жаль ее, одинокую, и он отдал ее в жены Волопасу, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она перестала ткать, бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видаться с мужем раз в год* [1. С. 294].

В даосских философских трактатах есть иная версия мифа: *пастух (Альтаир) и дева-пряха (Вега) спустились на землю, встретились и поженились. Но, вернувшись на небо, они занимались только друг другом, бросив работу. Правитель и правительница Неба решили их разлучить: правительница своей серебряной булавкой провела между ними черту. Так возник*

Млечный Путь (Небесная река) и Янцзы стала его земным продолжением. Поэтому воды Млечного Пути от соприкосновения с землей становятся грязными. Но правитель сжался над ними и разрешил встречаться каждый седьмой день седьмого месяца. В этот день утром сороки слетаются, чтобы стать для них мостом. Когда же они встречаются, начинаются сильные дожди из слез влюбленных. Две звездочки рядом с Вегой – ее дети от Альтаира. Известен и другой вариант мифа со следами тотемистических представлений: Одна из коров сказала Пастуху, что в этот вечер девять дочерей Нефритового Императора купаются в небесном озере. Тот, кто спрячет одежду у седьмой дочери-ткачихи, которая тклет облачный шелк для Небесного Владыки и его жены, станет ее мужем. Корова приносит Пастуха на небо с нефритовыми деревьями и яшмовой травой, и он прячет красное одеяние Ткачихи. Когда она, по совету коровы, спрашивает иву, можно ли ей выйти замуж, ива соглашается, потому что это седьмой вечер. Через семь дней Ткачиха убегает готовить одежду для Небесного Владыки. Пастух преследует ее, но она проводит заколкой по небу черту и появляется Небесная Река (Млечный Путь). И каждый год в седьмой вечер на земле не видно ворон, которые образуют мост через Небесную Реку, чтобы Ткачиха и Пастух сошлись друг с другом. В это время идет сильный дождь из их слез. Однажды Пастух рассердился на Ткачиху, что она не перешла на его берег, и бросил в нее ярмо (его можно увидеть в виде звезд под ногами Ткачихи). Тогда она бросила в него веретено (оно у него под ногами) [8].

Таким образом, китайские мифы о Млечном Пути исходят из космологической концептуализации мира. А в качестве фундаментальной установки утверждают предустановленную свыше гармонию мира и бытия, основой которой является труд, обязательный как для принцесс и благородных юношей, так и для простых пряж и пастухов. Любовь не отменяет обязанностей, возложенных на человека, поэтому разлука становится неизбежной карой небес за нарушение обещания не бросать свое ремесло. Примечательно также присутствие в мифе коровы, а также птиц, сорок и ворон, выполняющих функцию тотемистических предков, которые помогают Пастуху и Ткачихе, но не могут отменить волю небес.

Обращает на себя внимание также следующий факт. Рассматриваемый миф присутствует в «Оде о запустении восточных царств» из знаменитой книги «Ши цзин» (XII – VIII вв. до н. э.): *Горит на небе звездная река / И, видя нас, свой не умерит жар. / Ткачихи угол в целый день пройдет / На семь делений весь небесный шар. / Хоть семь делений в день она пройдет, / Она в подарок шелка не соткет, / Сверкает ярко в небе Бык в Ярме (созвездие Орел), / Но он повозки нам не повезет. / Звезда зари с востока сходит к нам, Чан-гэн (Венера) на запад свой свершает ход. / На небесах изогнутая сеть — / Раскинулось созвездие Тенет* [9. С. 181]. Согласно древнекитайским астрономам, созвездие Ткачихи, образующее угол из трех звезд, неизменно проходит за сутки полный круг по небу, состоящему из 12 частей: 7 делений – с пяти часов утра до семи часов вечера и пять – за

ночь с семи часов вечера до пяти часов утра. Принимая во внимание мнение специалистов о включении этой оды в «Ши цзин» Конфуцием или его последователями, отметим, что ассоциация с мифом о Небесной Реке, Ткачихе и Пастухе, равнодушных к страданиям людей, усиливает драматизм угасающей жизни восточных земель. Более того, благосклонность звезд, устремленных на запад, оставляет восточные земли во власти созвездия Тенет. В этой связи позволим себе высказать предположение, что древний миф заключал в себе не только нравоучительный, но и глубокий экзистенциальный смысл, вбирающий в себя переживания человека, осознающего свою оставленность и бессилие перед волей небес.

Греческие мифы о Млечном Пути существенно отличаются от китайских. Прежде всего, само название Млечный Путь (*греч. galaxias* от *gala* ‘молоко’) представляет собой, по всей вероятности, «овнешнение» образа сознания, возникшего в силу ассоциации данной галактики с молочными брызгами. Действительно, на ночном небе белесая полоса Млечного Пути, состоящего из множества слабых звезд, напоминает пролитое молоко или туманность.

Что же касается сложившихся на этой основе мифов, то к числу наиболее известных отнесем миф, связанный с Гераклом, сыном Зевса и смертной женщины Алкмены: *Зевс или Афина хитростью заставили Геру кормить Геракла грудью, но младенец сосал с такой силой, что Гера отшвырнула его, а из капель молока возник Млечный Путь*. Согласно другому варианту: *бог Гермес приложил к груди Геры голодного младенца Геракла, рожденного смертной женщиной от Зевса. Оскорбленная этим Гера сама оттолкнула младенца, и ее молоко хлынуло на небо*. Существует еще одна версия: *рассерженный Зевс отнял от груди своей супруги Геры кормящегося младенца, и молоко из груди Геры вылилось на небо* [10. С. 275–277].

Таким образом, приведенные мифы отражают обыденные внутрисемейные отношения, в которых сакрализация божественной четы фактически отсутствует. Это позволяет говорить о сугубо антропологической концептуализации данной галактики, которая, тем не менее, восходит к верховной супружеской паре <Небо-отец – Земля-мать>. Более того, Бог Неба Зевс (*Zeī* ‘дневное светило’) и богиня Земли Гера (*‘Hpa* ‘охранительница’, ‘госпожа’) принадлежат хтонической эпохе (до VI века до н. э.), которой была свойственна космологическая концептуализация и сакрализация природно-космического мира. Следовательно, в процессе своего бытования начальное повествование о брачном союзе Земли, «производящей хлеб и лен» (воспринимающего женского начала) и Неба «возбуждающего земные роды» (воздействующего мужского начала) было переосмыслено земледельческими и скотоводческими племенами как свойственное и простым людям [11. С. 157].

В поисках объяснения десакрализации унаследованных архаических представлений обратим внимание на следующий факт. Становление в Греции рационалистического миропонимания, получившего распространение в

Египте, Вавилоне и Индии, способствовало развитию «познающего» сознания (Г.Г. Шпет). Это побуждало к переосмыслению мифопоэтической картины мира и поиску новых путей в толковании происхождения Млечного Пути. Так, вслед за Анаксагором, Млечный Путь стал рассматриваться как отражение звезд, не освещенных Солнцем. На основе этого понимания Демокрит высказал гипотезу, что данная галактика – это рассеянный свет множества звезд, которые мало заметны в солнечных лучах. Опровергая это утверждение, Аристотель сформулировал теорию, учитывающую движение Земли и форму земной тени, но затем высказал предположение, что данная галактика представляет собой скопление паров раскаленных небесных тел [7. С. 359]. Следовательно, наряду с мифопоэтической картиной мира разрабатывалось и его научное понимание, сопровождавшееся десакрализацией архаичных представлений.

Греческий антропологизм и возникшие на этом фундаменте мифопоэтические образы Млечного Пути заимствовались различными народами, контактировавшими с античным миром, а в отдельных случаях были ими дополнены или переосмыслены¹. Так, например, в Римском варианте мифа появилось дополнение. Бессмертное молоко, брызнувшее из груди Юноны, превратилось в Млечный Путь, а *в тех местах, где несколько капель его упало на землю, выросли лилии* [12. С. 454].

В этой связи отметим, что в Древней Руси номинация Млечный Путь получила самобытную интерпретацию, актуализирующую представления о тотеме-первопредке. Так, по свидетельству крестьян Тульской губернии, *в старину ходила по небу языческая богиня и разлила молоко, оттого этот путь называется млечнымь* [13. С. 10]. В «Велесовой книге», представляющей собой полный литературный перевод на русский язык священных текстов новгородских волхвов IX века, дается следующее объяснение происхождения Млечного Пути: *И тут корова Земун пошла в поля синие и начала есть траву ту и давать молоко. И потекло то молоко по хлябям небесным, и звездами засветилось над нами в ночи. И мы видим, как то молоко сияет нам, и это путь правый, и по иному мы идти не должны* [14. С. 17]. Аналогичные мифопоэтические трактовки Млечного Пути содержатся в преданиях терских казаков: *Млечный путь <...> образовался отъ того, что огромного роста женищина, принадлежащая къ злымъ существамъ (вѣдьма), была побѣждена ангелами и изъ груди ея все время сочилось молоко, которое и образовало видимый млечный путь* [15. С. 4]. Таким образом, в русской интерпретации Млечного Пути проявилась сакрализация природно-космического мира, в котором человек чувствует себя его органичной ча-

¹ В подтверждение сошлемся на названия данной галактики в романских, германских и славянских языках: *via lactea* (латин.), *via lactea* (испан.), *la Via Lattea* (итал.), *Calea Lactee* (румын.) *voie lactée* (франц.), *Milky Way* (англ.), *Mælkevejen* (датск.), *Milchstrasse* (немец.), *Melkeveien* (норвеж.), *Млечны Шлях* (белорус.), *Млечен Път* (болг.), *Млечен Пат*, *Mlěčen Pat* (македон.), *droga mleczna* (польск.), *Млечный путь* (рус.), *Млечни Пут*, *Млїјечни Пут*, *Mlečni Put*, *Mliječni Put* (сербскохорв.), *Mliečna cesta* (словац.), *Молочний Шлях* (укр.), *Mléčná dráha* (чешск.) и др.

стью. Что же касается отождествления этой галактики с греческими богами, то оно станет достоянием носителей русского языка с развитием просвещения.

3. Образы Млечного Пути в мифопоэтической картине народов мира

Отождествление Млечного Пути с рассыпанной на небе соломой.

В космологии древних земледельцев и скотоводов, проживавших на огромной территории от Атлантического побережья Африки на западе до пустыни Гоби в Центральной Азии на востоке и от Дуная и Кавказского хребта на севере до Эфиопии на юге, Млечный Путь отождествлялся с рассыпанной на небе соломой [16. С. 34].

Впервые подобная ассоциация появилась у арабов-кочевников Ближнего Востока, где солома достаточно широко использовалась в хозяйственной деятельности. Для арабов Сирии и на территории Хадрамаута (исторической области на юге Аравийского полуострова) характерно название Млечного Пути, которое переводится на русский язык как ‘соломенный путь’, а у бедуинов это ‘соломенный след’. Аналогичные наименования бытовали также у арабов и берберов Северной Африки, причем в Марокко история появления ‘саманной дороги’ / ‘соломенной дороги’ описана в мифе-назидании: *ворованную солому нагрузили на верблюда, но ветер разметал ее по дороге и она оказалась в результате на небе; поэтому в ясную ночь на ней видны следы верблюда*. Аналогичные ассоциации Млечного Пути с рассыпанной соломой можно найти в мифологии Древнего Египта, у ряда народов Южной Европы, на Кавказе и в Малой Азии.

Отождествление Млечного Пути с дорогой птиц. Длительные наблюдения за небесными светилами, выступавшими в качестве пространственно-временного ориентира, повлекли за собой отождествление Млечного Пути с дорогой птиц: траектория их перелета совпадала с расположением звездной полосы на ночном небе. Кроме того, подобная ассоциация соответствовала представлению о принадлежности птиц к верхнему (в системе архаичного мировосприятия), обожествляемому небесному миру. Так, например, в литовском языке Млечный Путь именуется ‘птичьей дорогой’ (*Paukščių Takas*), поскольку души, поднимающиеся по этой дороге на небо, представлялись легкокрылыми птицами. Существует также поверье о том, что *на ночном небе видно, как покойник (недавно умерший человек) пронесется на борзом коне по птичьей дороге (Млечному пути) с тремя звездами в руке и вступает в селения вечно блаженства* [17. С. 523].

В славяно-русском языковом пространстве также присутствует образ Млечного Пути как дороги, по которой летят в рай души умерших людей, приняв облик птиц, что получило отражение в таких образных выражениях, как: *Дорога душ, Птичий путь / Птичья дорога* (часто с конкретизацией определенных видов перелетных птиц – *буськова дорога, гусиная дорога, диких гусей дорога, gęsia droga, żurawia droga*). Мотив птичьего пути харак-

терен также для Волго-Пермского региона, Западной и Восточной Сибири, Средней Азии, Средней Европы, Балтии, Скандинавии, а также для южных тучони (Канада), северных солто и тимагами оджибва (Средний Запад США).

Другие варианты отождествления Млечного Пути. В наиболее архаичных тотемистических мифах, которые сохранились у народов, населяющих Австралию, Новую Гвинею, Полинезию и другие острова Тихоокеанского региона, Млечный Путь предстает как *радужный змей*, *крокодил* или *рыба*.

Так, например, у племени юалараи в Новом Южном Уэльсе (Австралия) бытует следующее предание: *некий Курреах, крокодил или радужный змей, живет одновременно и в глубоких водоемах, и на ночном небе в виде волнистой темной тени, протянувшейся вдоль Млечного Пути*. А для папуасов северо-запада Новой Гвинеи характерно представление о *змее, который днем виден как радуга, а ночью – как Млечный Путь*. В микронезийской мифологии (современная территория островов Гилберта) Млечный Путь предстает как *тело угря по имени Ришки (Риги), измученного в процессе разделения Неба и Земли* [18. С. 321]. Существует предание полинезийского племени маори: *много тысяч лет назад молодой бог Корири (Мауи) забросил плавшую на него акулу вверх на ночное звездное небо, где она превратилась в Млечный Путь*. Так появились названия *Манго-Роа-И-Ата, Мангароа или Ика-Роа* ‘длинная Акула на рассвете’. А племена на острове Пасхи считают, что *Млечный Путь и темные пятна на нем – это две рыбы-людоеда, поднявшиеся на небо* [19. С. 1].

Приведенные примеры свидетельствуют об этноспецифичном восприятии Млечного Пути «религиозно-мифологическим сознанием» (Г.Г. Шпет). Развитая правополушарная память архаичного человека, не имея достаточного опыта дифференцированного отношения к миру, заполняла ее едва намеченными, локализованными образами предметов (см. подробнее об этом в [20. С. 73]). В результате сознание было перегружено «размытыми диффузными образами» (В.Н. Топоров), которые были самодостаточны и не требовали верификации по принципу «было – не было». Вместе с тем тотемистические предания как отражение группового мистического родства с первопредком, который отождествлялся с Млечным Путем, – неотъемлемая часть мировой культуры. А присутствие в мифах сакральных представлений о мире остается импульсом для дальнейшего развития культуры этих народов. Что же касается явных формально-логических противоречий в мифопоэтической картине мира, то они полностью игнорировались архаичным сознанием.

Вместо заключения

Миф справедливо называют первым культурным «феноменом сознания» (Ю.М. Лотман), который раскрывает эволюционное развитие человека

и те заветные смыслы, которые составляли сущностную основу его жизнедеятельности и познания мира. Действительно, в эпоху практического освоения космического пространства возникает ощущение утраты человеком того единства со Вселенной, которое было свойственно нашим далеким предкам. С этой точки зрения, обращение к древним космогоническим преданиям восстанавливает «глубину нашей памяти» и накопленный человеком опыт осмысления природно-космического мира.

Представленный материал отражает начальную ступень осмысления метафизических проблем, которые в дальнейшем должны, как представляется, получить соответствующее научное обоснование. Главной задачей исследования было обратить внимание на присутствие в космогонических мифах ряда метафизических принципов и, прежде всего, преодоление бинарных оппозиций посредством перехода к целостной триаде, а следовательно, к холистической методологии, которая снижает напряженность противоположных тенденций и приближает к достижению гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая / пер. с кит.; послесловие Б.Л. Рифтина. – М.: Наука, 1987.
2. Сюй гуа чжуань // Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». – М.: АСЬ, 2002. – С. 390-393.
3. *Лао-цзы*. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С. 115–138.
4. *Чжоу Дуньи*. Объяснение чертежа великого предела // Еремеев В.Е. Чертеж антропокосма. – М.: АСМ, 1993. – С. 14.
5. *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
6. *Гесиод*. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / пер. с греч. В.В. Вересаева. – М.: Лабиринт, 2001.
7. Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989.
8. *Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог (<http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>).
9. Ши цзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина. – М.: Художественная литература, 1987.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл.ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1.
11. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982.
12. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
13. *Колчин А.* Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. – 1899. – № 3. – С. 1–60.
14. Велесова книга. – М.: Менеджер, 1995.
15. *Вострикова П.* Повѣрья, примѣты и суевѣрные обычаи наурцевъ // Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. – Вып. 37. – Отд. II. – Тифлисъ: Издание Управления Кавказскаго Учебнаго Округа, 1907. – С. 1–93.

16. Никонов В.А. География космонимов и этнические связи // Проблемы этногеографии Востока. – М.: Б.и., 1973. – С. 33–37.
17. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отдел Москов. Патриархата, 1993.
18. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
19. Makemson Maud Worchester. The Morning Star Rises. An Account of Polynesian Astronomy. – New Haven: Yale University Press, 1941.
20. Яковлева С.В. Мифологическое сознание и образные номинации в картине звездного неба // Вестник ЦМО МГУ (Вестник ИРЯиК МГУ). Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 3. – М.: ЦМО МГУ, 2014. – С. 73–77.

COSMOGONIC CONCEPTS IN THE MYTHS OF THE PEOPLES OF THE WORLD

T.Ye. Vladimirova, S.V. Yakovleva

This article centers on the cosmogonic aspect of the mythopoetic picture of the world. Special attention is given to the Milky Way galaxy. The analysis undertaken for the purpose has made it possible to trace the development of cosmological concepts of the emergence of the Universe and man and on this basis to identify the general and the specific in the mythopoetic picture of the peoples of the world.

Key words: myth, cosmogony, mythopoetic picture of the world, evolution of consciousness.